

УДК 94(47)

**РОЖДЕНИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА:
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Д.А. КЛЕМЕНЦА
В МИНУСИНСКОЙ ССЫЛКЕ (1882–1886)**

© 2017 г. Олег А. Милевский

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия
e-mail: olegmilevsky@mail.ru*

Поступила в редакцию 06.04.2016 г.

Аннотация. В статье на основе ранее не введенных в научный оборот документов, хранящихся в сибирских архивах (Томск, Иркутск, Минусинск), рассматриваются недостаточно изученные в научной литературе вопросы, связанные с географическими исследованиями Дмитрия Александровича Клеменца в период его пребывания в политической ссылке в городе Минусинске. На основе методологии новой биографической истории предпринята попытка реконструировать жизнь Д. А. Клеменца в административной ссылке и показать, как проходило его превращение из революционера-народника в ученого и путешественника, сыгравшего большую роль в географическом, геологическом, этнографическом и археологическом изучении Минусинской котловины, Кузнецкого Алатау, Алтая и Тувы. В статье также прослеживаются музейная работа и газетная публицистика Д. А. Клеменца. Определяется его конкретный вклад в географическое изучение удаленных и ранее малоизученных мест Южной Сибири, в частности, в плане картографирования местности, анализа ее геологического строения и сбора коллекций фауны и флоры.

Ключевые слова: Д. А. Клеменц, география, путешествия, картографирование, геология, этнография, археология, Минусинская котловина, Алтай, Тува.

DOI:10.15356/0373-2444-2017-2-100-108

**TRAVELLER'S BIRTH:
GEOGRAPHICAL RESEARCHES OF D.A. KLEMENTS
IN THE MINUSINSK EXILE (1882–1886)**

Oleg A. Milevsky

*Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
olegmilevsky@mail.ru*

Received April 6, 2016

Abstract. The article considers the insufficiently studied in scientific literature issues, connected with geographical researches by Dmitrii Aleksandrovich Klements during his stay in a political exile in Minusinsk. The base of this article are the documents of the Siberian archives (Tomsk, Irkutsk, Minusinsk), which are earlier not introduced for scientific use. Using the methodology of modern biographic history the author has attempted to reconstruct D. A. Klements' life in an administrative exile and to show how he has transformed from the revolutionary populist into the scientist and the traveler who has played a big role in geographical, geological, ethnographic and archaeological studying of the Minusinsk Depression, Kuznetsk Alatau, Altai and Tuva. Such aspects of activity of D. A. Klements as museum work and newspaper journalism are studied. His contribution in geographical studying of the remote and earlier little-studied places of Southern Siberia is defined, in particular, in mapping of area, the analysis of its geological structure, and the collecting of fauna and flora.

Keywords: D. A. Klements, geography, travels, mapping, geology, ethnography, archeology, Minusinsk Depression, Altai, Tuva.

Российские путешественники и исследователи последней трети XIX – начала XX в. немало сделали для исследования отдаленных уголков Сибири и Внутренней Азии, ранее являвшихся для науки terra incognita. Немалый вклад в изучение этих регионов внес и Дмитрий Александрович Клеменц (15.12.1848–08.01.1914), хорошо известный в мире науки конца XIX – начала XX в. как географ и путешественник, отдавший 15 лет жизни изучению Сибири и Центральной Азии [1, 2, 28, 35, 36]. Однако он более известен специалистам как исследователь Монголии 1892–1896 гг. [27, 29] или Турфана (1898) [31] и намного меньше о нем знают как об ученом, внесшем огромный вклад в изучение Южной Сибири.

Судьба Д.А. Клеменца удивительна. Революционер-народник, за противоправительственную деятельность сосланный в город Минусинск [7, 17, 39], он не только не капитулировал перед жизненными обстоятельствами, но смог начать новую жизнь, сделав блестящую научную карьеру. Именно в минусинской ссылке он стал серьезно заниматься наукой и фактически открыл для ученой общественности с точки зрения географии, геологии и археологии Минусинскую котловину, Кузнецкий Алатау и положил начало географическому и этнографическому изучению Тувы.

Хорошо знавший Д.А. Клеменца В.А. Обручев отмечал, что “среди путешественников-исследователей материка Азии Д.А. Клеменц по праву занимает видное место; значение его исследований, к сожалению, уменьшается тем, что большая часть его наблюдений использована для географии и геологии Азии слишком недостаточно” [29, с. 34]. В советское время дань научного уважения Д.А. Клеменцу как одному из пионеров исследования Центральной Азии отдавали отечественные географы [27, с. 77–81; 47]. Но и они вслед за В.А. Обручевым с сожалением указывали на малую разработанность научного наследия Д.А. Клеменца [27, с. 81]. Следует отметить, что в советский период личность Д.А. Клеменца, как ученого изучалась весьма фрагментарно, и только в постсоветский период ситуация начала меняться [9, 19, 33, 34]. Однако до сих пор фундаментальных исследований его научной деятельности не проводилось, а часть его работ вообще не введена в научный оборот и пылится в архивохранилищах.

В контексте изучения географического наследия Д.А. Клеменца большой интерес представляет обращение к минусинскому периоду его жизни. Он крайне важен для понимания мировоззренческого превращения Д.А. Клеменца из “пламенно-революционера” в ученого и путешественника,

о котором хорошо знавший его С.Ф. Ольденбург позже напишет: “Дмитрий Александрович родился путешественником, путешественником Божьей Милостью” [30, с. 1]. И в этот период времени он многое сделал для того, чтобы стереть с географической карты Сибири целый ряд “белых пятен”.

Свое “путешествие” в Сибирь Д.А. Клеменц начал из Петропавловской крепости 24 августа 1881 г. в составе партии политических преступников. Путь в места не столь удаленные был весьма непростым особенно для людей уже измученных длительным пребыванием в одиночном заключении. В конце октября 1881 г. Д.А. Клеменц оказался в Красноярской пересыльной тюрьме, там его здоровье окончательно сдало. В результате 3 января его поместили в тюремную больницу [5, л.7(об.)]. Болезнь оказалась серьезной, и в мае 1882 г. он обратился с прошением на имя Директора департамента полиции с просьбой ввиду болезни заменить ему административную ссылку в Якутскую область на более близкое для доставки место в Енисейской губернии.

После долгих разбирательств 31 октября 1882 г. последовало официальное разрешение переменить место ссылки и оставить Д.А. Клеменца в Енисейской губернии сроком на 5 лет, считая с 1881 г. Данное решение стало большой удачей для него. В результате 23 декабря он с партией арестантов был отправлен в Минусинск [5, л. 32], расположенный в южной части губернии. Явное достоинство городка заключалось в наличии культурного ландшафта. “Как старинный ссыльный пункт, Минусинск давно уже приобщен к культуре”, – отмечал И.П. Белоконский [4, с. 269]. 10 января 1877 г. в городе благодаря усилиям провизора Н.М. Мартьянова открылся Минусинский музей [15, с. 47].

Д.А. Клеменц поселился на квартире А.И. Иванчина-Писарева, с которым был очень дружен. На первых порах это стало настоящим спасением для больного и ослабленного Д.А. Клеменца, находившегося к тому же в крайне подавленном эмоциональном состоянии.

Российское революционное движение переживало в то время трудный момент. Находясь в заключении, идейно не сломленные борцы с царизмом ощущали себя пленными, но не сдавшимися. Такая позиция была четко сформулирована якутскими ссыльными: “Мы понимаем, что ссылка является тем же полем борьбы против произвола и насилия, как и то, что мы здесь остаемся теми же борцами, что и на воле, только в иных условиях” [16, с. 142]. Но на деле революционное движение в 1882 – начале 1883 г. шло на спад. Все это

остро ощущалось в настроениях ссыльнокаторжных, которые вынуждены были терпеть произвол начальства со все более угасающей надеждой на торжество своей идеи. Отсюда и немалое количество самоубийств, психических расстройств, пьянства и т.д.

Поэтому неудивительно, что конец 1882 и начало 1883 г. были тяжелым временем и для Д. А. Клеменца. Однако он не сдаётся и начинает активно заниматься самообразованием. Об этом он пишет Е. Д. Дубенской: “Видишь, я начинаю письмо вовсе не веселыми вещами, хотя в существе дела жаловаться на жизнь не могу... Вместо якутской юрты я живу в обыкновенном доме... с Иванчиным-Писаревым, с которым очень сблизился... Бесцельной, бестолковой лишенной всяческих интересов жизнь свою также назвать не могу. За неимением чего-либо более живого, я учусь и учусь усердно” [10, с. 174].

Самым притягательным для него местом зимой 1883 г. стал музей. Его основатель Н. М. Мартянов искренне уважал политических ссыльных и придерживался позиции, что “всякий интеллигентный человек должен дать все, что может той местности, где проживает” [4, с. 273]. Он одним из первых понял, какие возможности таит в себе интеллектуальный потенциал ссыльных народников, и стал активно привлекать их к музейным делам. Во многом, именно Н. М. Мартянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая фигура Д. А. Клеменца. Дом Н. М. Мартянова был всегда открыт для политических ссыльных. На его вечерах происходила своеобразная смычка народнической интеллигенции с представителями местного образованного общества, в том числе и купечества. Среди минусинских купцов были настоящие патриоты родного края, и особенно выделялся Г. П. Сафьянов, ставший другом Д. А. Клеменца.

В такой обстановке протекала жизнь Д. А. Клеменца вплоть до лета 1883 г. В это время по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Российского Географического общества (далее ЗСОИРГО. — *Прим. автора*) была запланирована экспедиция томского ученого А. В. Адрианова. Программа экспедиции предусматривала совершение научной экскурсии в малоизвестные юго-восточные части Алтая. В круг исследований включалось определение истоков реки Томи, а также водораздела рек Абакана и Мрассу, собирание этнографического материала и т.д. [11, с. 18]. Отправной точкой для экспедиции стал Минусинск. Д. А. Клеменц, всегда интересовавшийся естественными науками, в том числе

и географией, предложил свои услуги А. В. Адрианову и получил одобрение. В начале путешественники добрались до реки Немир, где окончательно снарядились и наняли людей. Далее маршрут лежал по водной системе реки Нени до горы Кырлыган, высшей точки Кузнецкого Алатау.

Оттуда исследователи спустились к истокам реки Томи и следовали ее долиной вплоть до впадения слева реки Балыксы. Д. А. Клеменц на этом участке пути проводил географические, геологические, этнографические исследования, собирал растения для гербария. В устье Балыксы экспедиция разделилась. Впоследствии и А. В. Адрианов, и Д. А. Клеменц всегда сухо объясняли причину такого разделения деловыми соображениями. Однако из позднейшего письма Д. А. Клеменца к А. В. Адрианову видно, что между ними произошла ссора [3, л. 169]. К счастью, для российской науки эти два незаурядных человека нашли возможным не афишировать конфликт, а вскоре помирились и в дальнейшем были добрыми друзьями.

После разделения А. В. Адрианов отправился заранее намеченным маршрутом на реку Мрассу, а Д. А. Клеменц с одним проводником — по-новому, еще неизведанному маршруту по реке Шорсу на Таштып, оттуда на Абаканский завод и на прииски по правым притокам Абакана, далее на реки Магазу и Матур, опять через Таштып на Аскиз и Узунжул и обратно в Минусинск [28, с. 11].

Из заметок Д. А. Клеменца следует, что после разделения он с проводником пошел по маршруту, который у местных жителей назывался “сагайской дорогой”, представлявшей из себя обычную выючную тропу [18, с. 6]. За день путешественники проезжали до 25 км. Попутно Д. А. Клеменц проводил геологические и географические изыскания. Он так представлял ход экспедиции в письме Н. М. Мартянову: “Вместе прошли вершину (верховья. — *Прим. автора*) Томи до устья Балыксы. Дорога была хоть и трудна, но очень интересна. Между прочим, оказалось, что сведения, сообщенные об этой местности у Риттера, не только не точны, но даже прямо неверны... Сам я занимался собиранием растений и минеральных пород. Растений от Немира до Балыксы набралось у меня 170 видов... Из геологических наблюдений могу сообщить, что нами констатировано сильное развитие старого кристаллического вонючего известняка на обоих берегах Томи на весьма значительном расстоянии. Нашел я их и на Шорсу. По-моему, это довольно сильно изменяет существующие взгляды на геологическое строение местности” [20, л. 1].

Далее он сообщал о своей самостоятельной работе: “Направление пути определял раз в сутки, ночью по полярной звезде. Собрать удалось только породы, которые я и отправил на Уйбат с жоаком. Не имея возможности вести сбор коллекций, я старался собрать материалы для практической цели, для решения вопроса о направлении дороги из нашего округа в Кузнецк... Очень уж я рад самостоятельной работе и к тому же отлично чувствую себя и хочется работать... На Уйбате с Немиром буду числа 12 августа, отсюда пройду степью в Абакан и вернусь к Вам” [20, л. 1(об.)–2].

С Абаканского завода Д.А. Клеменц выехал вверх к слиянию Большого и Малого Абакана с тем, чтобы обратный путь пройти рекой на плоту или лодке. Его путешествие было успешным, насыщенным сбором коллекции минеральных пород и растений, о чем он и писал Н.М. Мартянову, отмечая, что “очень доволен своей экскурсией”, подчеркивая при этом, что “при более благоприятных обстоятельствах можно бы сделать много больше” [21, л. 1]. Во время сплава по Абакану на лодке Д.А. Клеменц составил подробную карту этой части реки, исправив неточности на карте Мейена и внес уточнения в названиях урочищ на карте Шварца [18, с. 25]. Посетил он и Иней-гас (“Каменная старуха”. – *Прим. автора*), священное для сагайских татар жертвенное место. Его поездка в Иней-гас неожиданно разрослась в самостоятельную экскурсию, приведшую к интересным результатам [7]. Потеряв дорогу, путешественник попал на реку Большой Сыр, обнаружил там неизвестное городище и открыл пещеры “со следами обитания человека между Б. Сыром и Базой” [18, с. 29].

В последней фазе экспедиции он совершил поездку на соляную котловину Уш-кюль и месторождения каменного угля на горе Изых. Наконец, 5 сентября вернулся в Минусинск.

В письме А.В. Адрианову Д.А. Клеменц делился своей научной “добычей”: “Собрали мы с вами 700 слишком экземпляров высших растений, в которых оказался 251 вид. Список моих пород включает в себе 120 №, да я еще добавил к этому штук полсотни с соленого озера, с тагарского острова, из окрестностей Минусинска, да окаменелостей с Изыха, где я прожил с неделю, десятка полтора” [3, л.169 (об.)]. Экспедиция 1883 г. оказалась, несомненно, успешной и чрезвычайно продуктивной именно благодаря деятельности Д.А. Клеменца. Впоследствии признавал это и сам А.В. Адрианов, отмечавший, что «занятый в “Сибирской газете” я не имел достаточного досуга готовиться к экспедиции, а ко всему этому не

обладал знаниями и дарованием, чем так щедро был наделен Дмитрий Александрович» [1, с. 110].

В той, крайне рискованной, части путешествия, которая была выполнена самостоятельно, проявился весь Клеменц-исследователь – азартный и неприсохливый, а когда речь шла о деле, не боящийся риска. В экспедиции он продемонстрировал все, чему его учила жизнь раньше – умение отлично обходиться с лошастью, полученное юношей в имении, где служил его отец, знание психологии инородцев, навыки передвигаться по горам, приобретенные им во время путешествий по Швейцарским Альпам. Его непритязательность к быту и пище оказалась крайне важной составляющей успешности окончания этого сложного мероприятия. Неприсохливость его для европейца была удивительной – он мог “свободно есть вяленую баранину, несколько дней пролежавшую на хребте лошади под седлом” [4, с. 296].

Это путешествие стало судьбоносным для Д.А. Клеменца – оно в корне изменило его жизнь. Наука окончательно пленила его. О благотворном и спасительном для него, в психоэмоциональном плане, воздействии этой поездки он писал Е.Д. Дубенской: “Из тайги вернулся, должно быть, лет на пять моложе, чем уехал... Ехал в тайгу, рассчитывая закопать себя где-нибудь в делях, слабость физическая, нескладница личной жизни и страдания нравственные – все это нагнало на меня такую апатию, такую усталость, что мне даже нравилась перспектива сдохнуть в тайге, но как-то незаметно начали возвращаться ко мне и силы, и бодрость, охватил интерес к неизведанной еще дикой обстановке, оказалась она родственнее мне, чем предполагал, остальное довершила борьба с препятствиями и лишениями” [10, с. 175].

По возвращении в Минусинск он погрузился в составление отчетов и описание собранных коллекций. Тогда же установил научные контакты с Н.М. Ядринцевым. В неопубликованных воспоминаниях о нем Д.А. Клеменц писал: «У нас шла оживленная переписка по местным вопросам. Благодаря этой переписке, мы были au courant (быть в курсе дела. – *Прим. автора*) всех научных новостей, касавшихся Сибири. Ядринцев засыпал нас вопросами, по поводу которых приходилось писать целые послания, эти послания, когда целиком, когда в выдержках, попадали на страницы его журнала (“Восточное обозрение”. – *Прим. автора*)» [12, л.1].

Работа по обработке привезенных геологических, ботанических и этнографических коллекций отнимала почти все время. Но грустные думы

о будущем нет-нет да посещали Д. А. Клеменца. Период 1883–1884 гг. был во многом рубежным для него: на пороге своего 35-летия он не мог не задумываться о своих дальнейших житейских планах. Такими нотками проникнуто его письмо революционной подруге А. М. Эпштейн: “Я бы советовал всем нам (ссылным. – *Прим. автора*) считать лучше день своего рождения со дня ссылки. Для большинства из нас ссылка – это совершенно новый отдел жизни и очень для немногих будет возможен возврат к прежней жизни” [37, л. 3(об.) – 4]. Фрагменты этого письма – лучшее свидетельство того, что у него формируются новые жизненные ориентиры. Именно после экспедиции 1883 г. российская и мировая наука получила Д. А. Клеменца – географа и путешественника. Зов странствий уже не оставлял его в покое.

Зимой 1884 г. он добился разрешения на поездку по правому берегу Абакана до хребта Изых. Экскурсия носила в основном геологический характер. Д. А. Клеменцом была собрана коллекция горных пород, на основе которых он выдвинул гипотезу о “принадлежности Изыхских и Бейских пластов к одной и той же формации” [18, с. 13]. По возвращении в Минусинск Д. А. Клеменц начал готовить почву для летней экспедиции. Он рассчитывал совершить путешествие в верховья Абакана и посетить “недоступный и неисследованный до сих пор уголок Алтая с водоразделом между вершинами Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебеда (правого притока реки Би) и Телецким озером” [1, с. 111].

Своими планами Д. А. Клеменц делился с А. В. Адриановым: “За экспедицию в верховья Абакана я готов ухватиться обоими руками. ... Я планирую так: уговорюсь с Борзовым, поехать в месте, но куплю лодку и найму на Матуре татарина (у меня есть такой на примете), знающего если не самые истоки то верхние притоки Абакана. Заберемся насколько возможно высоко, а до вершины верст 20, оставив лодку дойдем питаясь мясными консервами, чаем и чем бог пошлет... Сделав за эту поездку мне кажется, можно будет следующее: снять глазомером по буссоли течение самого Абакана вверх от Матура... С вершины (верховья. – *Прим. автора*) Большого Абакана до вершины Малого не пройдеши: лошадей с собой не будет, пешком идти дело невозможное. Можно будет осмотреть Чирковое озеро и с окрестностей его, лежащих на водоразделах Большого и Малого Абакана описать и заметить урочища и нанести на карту... Породы буду собирать разумеется со всякого обрыва – это самые неприхотливые коллекции. Вверх по реке пойдем на шестах и на бичеве, двигаться будем тихо, а потому должна бы быть

возможность собрать и растения. ...Мне кажется все-таки главное горе будет с инструментами – достать их негде” [3, л. 170–171].

Проект предполагаемой экспедиции был очень рискованным, тем более что оснащение ее из-за вечной нехватки средств оставляло желать много лучшего. Но в таких условиях, за редким исключением, проходило большинство российских экспедиций того времени, а уж об организованных ссылкой и говорить не приходится. И невзирая на объективные трудности и большой риск энтузиасты-исследователи не отказывались от своих планов, не благодаря, а вопреки стяжая славу российской науке. К числу таких пионеров-первопроходцев принадлежал и Д. А. Клеменц.

В конце концов одобрение и небольшое финансовое пособие со стороны ЗСОРИГО были получены. Это путешествие он рассчитывал провести с политическим ссылкой, инженер-технологом А. И. Венцовским, взявшимся помогать по части топографического описания местности. Кроме того, в состав отряда был введен и А. И. Иванчин-Писарев.

Как указывал в письме Д. А. Клеменц: “Снарядились мы на четырех вьючных лошадях, поедет с нами двое татар и двое казаков” [23, л. 1]. От Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затем экскурсировали в бассейне Таштыпа, собирая геологическую и ботаническую коллекции. У села Таштыпское было открыто месторождение окаменелостей, интересное в геологическом плане [18, с. 13]. На хребте Бизе на правом берегу Таштыпа был открыт желтый горный мак, растущий только на высоких горах, а здесь он оказался на высоте всего 1200 футов [29, с. 3]. Далее экспедиция должна была идти в долину реки Мрассы и по левым притокам Абакана на водораздел этой реки и Мрассы и далее к верховьям Абакана. Но путешествие оказалось слишком трудным для товарищей Д. А. Клеменца. Дойдя до речки Слюдянки, левого притока Абакана, его спутники отказались следовать далее [29, с. 4]. Оказавшись в столь затруднительном положении, Д. А. Клеменц пошел на большой риск. Он продолжил движение по маршруту один с двумя проводниками татарами. Ему удалось дойти до подножия хребта Джолинь, водораздела между Абаканом, Мрассой и Лебедью [1, с. 111].

Сохранилось его письмо к Н. М. Мартьянову, позволяющее воссоздать детали этой непростой экспедиции: “...от Слюдянки в вершины Абакана пошел я один и в неделю дошел до разделений Абакана на 2 (а не на 3, как это рассказывают) ключа, из которых один делится в свою очередь

на 2, другой на три... оба берут начало из озер, у подножия двух высочайших массивов Саянского хребта. Я отправляясь рассчитывал прожить в этом месте с неделю и обследовать загадочный уголок, но дорогой случилось несчастье, которое могло привести к очень трудным последствиям — при переправе через Абакан у меня утонули и подмокли все съестные припасы — это было за два дня до достижения дальней точки пути. Удалось спасти немного сухарей и мяса, но и спасенное гнило покрываясь грибами на дожде, от которого некуда было укрыться. После этой катастрофы я еще два дня шел вперед. Чем питались, не спрашивайте! Полдня я употребил на осмотр хребтов в вершине Абакана и вернулся. Каких-нибудь верст 6 хребтов и утесов разделили меня от стоянки Чихачева над озером, откуда он чертил свою карту Абакана. Я сделал то же, что и он — нанес на карту вершины Абакана и повернул обратно... На обратном пути я, вопреки всем возражениям татар, прихватил немного Малого Абакана и отправился на Большой Кызас” [23, л. 1].

Эта экспедиция дала огромный материал о практически неизведанных ранее местах — верховьях Абакана и горного Алтая, однако Д. А. Клеменц, который в науке был перфекционистом, оказался неудовлетворенным тем, что не удалось довести экспедицию до логического завершения. Дабы расширить поле для исследований, он принял предложение золотопромышленника Николая Кузнецова отправиться с ним на реку Ану, чтобы собрать дополнительные сведения о Восточном Абакане [24, л. 1].

На обратном пути Д. А. Клеменц, проезжая от села Аскизского правым берегом Абакана, обнаружил на равнине Абаканской степи совершенно обнаженные полосы речной гальки с преобладанием метаморфических и изверженных пород, отсутствующих на Абакане, ниже устья Таштыпа. Он сопоставил полученную информацию с рассказом Н. М. Мартыанова о том, что тот по дороге между деревнями Сабинской и Означенной, лежащими у предгорий Саян, “встретил широкую равнину, имевшую форму старого русла, усыпанную галькой и уходившую к северо-западу, по-видимому к Абакану” [18, с. 2], и предположил, что это старое русло Енисея, направленное на северо-запад к Абакану выше гор Изыха [29, с. 4]. На основе собранных данных им была выдвинута научная гипотеза об изменении русла Енисея ниже деревни Означенной. В дальнейшем, как писал в 1914 г. Н. Н. Козьмин: “Гидротехнические изыскания и нивелировки последнего пятилетия дали богатый материал,

подтверждающий правильность высказанного Клеменцом предположения” [14, с. 278].

В сентябре 1884 г. Д. А. Клеменц вернулся в Минусинск, где его ждала встреча, расцветившая его достаточно аскетичную жизнь в ссылке новыми красками. Пока он был в отъезде летом, в город после окончания Высших женских Бестужевских курсов приехала новая начальница местной женской прогимназии Елизавета Николаевна Зверева. Это знакомство стало судьбоносным для обоих. Е. Н. Зверева стала верной спутницей Д. А. Клеменца на всю жизнь, деля с ним все его экспедиционные странствия.

Вообще зима 1884—1885 гг. проходила очень насыщено. Д. А. Клеменц вплотную начал работать над подготовкой каталога музея, затем переросшего в серьезнейшую работу “Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох” (далее — “Древности”). Кроме того, он активно занимался публицистической деятельностью. В 1885 г. и начале 1886 г. в газете “Сибирь” выходит целый цикл его статей, объединенных общим названием “Дикий Алтай” (1885. № 20, 22, 42, 43, 51; 1886. № 10.)

Эти очерки были написаны по итогам наблюдений из экспедиции 1884 г. и давали массу интересных деталей и подробностей географического и этнографического плана об этих, тогда совершенно не исследованных, местах.

Весна 1885 г. принесла и новые экспедиционные хлопоты. В мае 1885 г. он совместно с Г. П. Сафьяновым совершил поездку в Западные Саяны и тогда практически неисследованный Урянхайский край (Тува). От Абаканского завода путешественники, проделав очень тяжелый переход и преодолев три горные цепи Саян, спустились до реки Ак-кем и, перейдя последнюю вброд, добрались до реки Кемчик, переправились через нее на плоту и достигли факторий Г. П. Сафьянова [29, с. 5]. С одной из них Д. А. Клеменц в течение двух недель и совершал экскурсии в верхней части бассейна Хемчика до слияния с рекой Чу, берущей начало на перевале Чапчал на хребте Танну-ола.

Обратный путь пролегал вверх по реке Ак-кем, откуда путешественники перевалили через Западные Саяны к верховьям Аны, впадающей в Абакан. На этом пути их поджидали настоящие приключения. Два проводника попытались их ограбить, но увидев перед собой людей неробкого десятка и получив отпор, бежали, бросив русских одних в тайге. Однако и здесь присутствие духа не изменило Д. А. Клеменцу. В столь сложной, если не сказать трагической, ситуации он и его товарищ

по компасу, солнцу, звездам и ветвям сосен и елей вышли из глухой тайги до реки Абакан, а уже оттуда вниз по реке до Минусинска [28, с. 12]. Фактически Д. А. Клеменц и А. В. Адрианов, посетивший Туву в 1881 г., стали пионерами в научном изучении этого тогда таинственного края [19], а за ними уже пошли другие, более оснащенные экспедиции.

Экспедиции Д. А. Клеменца 1883–1885 гг., в рамках которых он исследовал главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна Томи и южную часть Кузнецкого Алатау, дали ценнейший материал для географической и геологической характеристики этого обширного и тогда малоизученного региона. Материалы, частично опубликованные в “Записках ЗСОИРГО”, привлекли внимание к имени Д. А. Клеменца маститых европейских ученых. В частности, на геологические данные, впервые введенные им в научный оборот, опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд “Лик Земли” (Вена, 1901 г.) [39, с. 75].

В зимний период Д. А. Клеменц продолжал работу по подготовке к изданию “Древностей” [13]. Выход книги в 1886 г. сделал и его, и Н. М. Мартянова, что называется, персонами грата в российском, да и мировом научном сообществе. Сразу же после этого Д. А. Клеменца избирают членом-корреспондентом Московского археологического общества.

В августе 1886 г. истек срок ссылки Д. А. Клеменца, и А. В. Адрианов настойчиво зазывал его переехать в Томск и стать полноправным сотрудником “Сибирской газеты”. Последнее лето в Минусинске Д. А. Клеменц решил провести максимально плодотворно и в этом ему очень помог Н. М. Мартянов. Зная о денежных затруднениях при подготовке экспедиций, он обратился за помощью к купцу-миллионеру, известному сибирскому меценату И. М. Сибирякову. Фрагмент из этого письма крайне показателен в плане характеристики Д. А. Клеменца как человека и ученого: “...в лице Дмитрия Александровича Музей приобрел такого ценного работника, что я не могу и выразить Вам всей признательности, какая выпадает от меня на его долю” [25, л. 1]. Одобрительный ответ от И. М. Сибирякова пришел [26], и Д. А. Клеменц получил 300 рублей на экспедиционные расходы.

Именно на эти деньги он организовал месячную экскурсию по татарской (Абаканской) степи [1, с. 117]. По ее итогам им был опубликован географо-этнографический очерк в “Восточном обозрении” [8]. По окончании этой поездки Д. А. Клеменц осуществил еще одно небольшое

путешествие в рамках сотрудничества с Минусинским музеем. Результатом стала собранная коллекция горных пород, барометрические наблюдения и определение высот местности. Важнейшим открытием в ходе этой поездки стало обнаружение отпечатков раковин и кораллов в известняке Саян [32].

После возвращения из этой экскурсии в Минусинск, поздней осенью 1886 г. Д. А. Клеменц переехал в Томск. Так началась новая страничка его жизни, в которой были новые экспедиции и сотрудничество в сибирской печати. В дальнейшем он переехал в Иркутск, где после Г. Н. Потанина официально с 20 мая 1891 г. возглавил Восточно-Сибирского отделение ИРГО и являлся организатором знаменитой Сибиряковской экспедиции (1894–1896), фактически открывшей для научного сообщества Якутию.

Переехав по приглашению В. В. Радлова в феврале 1897 г. в столицу, он работал консерватором Музея археологии и этнографии, а в дальнейшем стоял у истоков создания Этнографического отдела Русского музея. Своими исследованиями он внес огромный вклад в географическое и археологическое изучение Тувы, Монголии и других районов Центральной Азии, но все это будет позже, когда его признает научный мир. Первые же шаги к этому он сделал именно в Минусинской ссылке, в которой и сформировался как путешественник и исследователь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц // Изв. Восточно-Сибирского отд. Императорского Русского геогр. об-ва. 1917. Т. XLV. С. 103–124.
2. *Анучин Д.* Памяти Дм. Ал. Клеменца // Русские ведомости. 1914. № 7. С. 6.
3. Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова. Папка 11.
4. *Белоконский И. П.* Дань времени. Воспоминания. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 372 с.
5. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 24. Оп. 3. Д. 935.
6. *Гольдфарб С. И.* Д. А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 176 с.
7. *Д. К.* Минусинская Швейцария и боги пустыни // Восточное обозрение. 1884. № 7. С. 11–14.
8. *Д. К-цъ.* Из поездки в Качинскую степь // Восточное обозрение. 1886. № 47. С. 10–12.
9. *Дубов И. В.* У истоков Российского этнографического музея (К 150-летию со дня рождения Дмитрия

- Александровича Клеменца) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 112–121.
10. Дубенская Е. Д. Дмитрий Александрович Клеменц // Каторга и ссылка. 1930. № 5 (66). С. 169–176.
 11. Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (К 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
 12. ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 146.
 13. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Тип. “Сибирская газета”, 1886. 185 с.
 14. Козьмин Н. Н. Избранные труды. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.
 15. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. 209 с.
 16. Круссер Р. Г. Политическая ссылка и “Сибирская газета” // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142–151.
 17. Левин Ш. М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. 128 с.
 18. Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск: Типография Окружного штаба, 1890. 145 с.
 19. Милевский О. А. География и политика: центральноазиатская проблематика в научном наследии Д. А. Клеменца // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 204–223.
 20. МКМ ОФ. (Минусинский краеведческий музей основной фонд) 10566 / 2.
 21. МКМ ОФ. 10566/3.
 22. МКМ ОФ 10584/2.
 23. МКМ ОФ. 10614/5.
 24. МКМ ОФ. 10614/6.
 25. МКМ ОФ. 10681/5.
 26. МКМ ОФ. 10686/5.
 27. Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской Народной республики. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 208 с.
 28. Обручев В. А. Д. А. Клеменц, П. П. Семенов-Тянь-шанский и Ф. Н. Чернышев как исследователи Азии // Записки Геол. отд. об-ва любит. естествозн., антропол. и этногр. 1914–1915. Вып. III. С. 1–17.
 29. Обручев В. А. Обзор путешествий Д. А. Клеменца по Внутренней Азии и их геологических и географических результатов // Изв. Восточно-Сибирского отд. Императорского Русского геогр. об-ва. 1917. Т. XLV. С. 1–34.
 30. Ольденбург С. Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы. In memoriam. Петроград: Тип. В. Д. Смирнова, 1915. 4 с.
 31. Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Изв. Восточно-Сибирского отд. Императорского Русского геогр. об-ва. 1917. Т. XLV. С. 219–231.
 32. Отчет по Минусинскому публичному местному музею за 1886 год // Восточное обозрение. 1887. № 11. С. 4.
 33. Панченко А. Б. Отражение научных взглядов Д. А. Клеменца на страницах газеты “Восточное обозрение” // Вест. Сургутского гос. пед. ун-та. 2013. № 4 (25). С. 100–105.
 34. Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. 208 с.
 35. Попов И. И. Д. А. Клеменц его жизнь и деятельность // Клеменц Д. А. Из моего прошлого. Воспоминания. Л.: Колос, 1925. С. 7–66.
 36. Потанин Г. Н. Д. А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 1986. Т. 7. С. 134–139.
 37. РГАЛИ (Российский архив литературы и искусства). Ф. 1158. Оп. 1. Д. 590.
 38. Токарев С. А. Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. М.: Наука, 1957. С. 244–251.
 39. Федорова В. И. Революционный народник, ученый и просветитель Д. А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та. 1988. 176 с.

REFERENCES

1. Adrianov A. V. Memory for spouses Clements. *Izvestija Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1917, vol. XLV, pp. 103–124. (In Russ.).
2. Anuchin D. Memory for Dm. Al. Clements. *Russkie vedomosti*, 1914, no. 7, p. 6. (In Russ.).
3. Arhiv MAEHS TGU (Archive MAES TSU). Archive fund of A. V. Adrianov. Folder 11.
4. Belokonskii I. P. *Dan' vremeni. Vospominaniya* (Tribute to time. Memories). Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiles Publ., 1928. 372 p.
5. GAIO. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoi oblasti (State Archive of Irkutsk oblast). F.24, Op. 3, D.935.
6. Gol'dfarb S. I. *D. A. Klements – revoljutsioner, uchenyj, publitsist* (D. A. Clements – revolutionary, scientist and publicist). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1986. 176 p.
7. Klements D. A. Minusinskaya Switzerland and the gods of the desert. *Vostochnoe obozrenie*, 1884, no. 7, pp. 11–14. (In Russ.).
8. Klements D. A. From a trip to Kachin steppe. *Vostochnoe obozrenie*, 1886, no. 47, pp. 10–12. (In Russ.).
9. Dubov I. V. Origin of the Russian Ethnographic Museum (150th anniversary of the birth of Dmitry Alexandrovich

- Clements). *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 6, pp.112–121. (In Russ.).
10. Dubenskaja E. D. Dmitry A. Clements. *Katorga i ssylka*, 1930, no. 5 (66), pp. 69–176. (In Russ.).
 11. Devlet M. A. *Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiju so dnja rozhdenija)* (Alexander Adrianov (150th anniversary of his birth). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 68 p.
 12. IVR RAN. Institut vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk (The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). F. 28. Op.1. D. 146.
 13. Klements D. A. *Drevnosti Minusinskogo muzeja. Pamjatniki metallicheskih epokh* (Antiquities of Minusinsk museum. Monuments of metal ages). Tomsk: Sibirskaja gazeta Publ., 1886. 185 p.
 14. Koz'min N. N. *Izbrannye trudy* (Selected works). Abakan: Zhurnalist Publ., 2010. 311 p.
 15. Kon F. Ja. *Istoricheskii ocherk Minusinskogo mestnogo muzeja za 25 let (1877–1902)* (Historical Review. Minusinsk local museum for 25 years (1877–1902)). Kazan: Imperial Univesity Publ., 1902.
 16. Krusser R. G. Political exile and “Siberian newspaper”. *Sibirskie ogni*, 1969, no. 3, pp. 142–151. (In Russ.).
 17. Levin Sh. M. Dmitrii Aleksandrovich Klements. Ocherk revoljucionnoj dejatel'nosti (Clements. Essay about revolutionary activity.). Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiles Publ., 1929. 128 p.
 18. Materialy, sobrannye D. A. Klementsom pri ekskursijakh v Verhnii Abakan v 1883 i 1884 gg. (The materials collected by D. A. Clements on excursions to Upper Abakan in 1883 and 1884). Omsk: Tipografiya okruzhnogo shtaba Publ., 1890. 145 p.
 19. Milevskij O. A. Geography and Politics: Central Asian issues in a scientific heritage of D. A. Clements. *Problemy natsional'noi strategii*, 2015, no.5 (32), pp. 204–223. (In Russ.).
 20. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej, osnovnoj fond (Minusinsk museum, main fund). F. 10566 / 2.
 21. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10566/3.
 22. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10584/2.
 23. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10614/5.
 24. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10614/6.
 25. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10681/5.
 26. MKM OF. Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (Minusinsk kraevedcheskij museum, main fund). F. 10686/5.
 27. Murzaev Je. M. *Geograficheskie issledovaniya Mongol'skoi Narodnoi respubliki* (Geographical studies of the People's Republic of Mongolia). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 208 p.
 28. Obruchev V. A. D. A. Klements, P. P. Semenov-Tyanshansky and F. N. Chernyshev as the Asian researchers, in *Zapiski Geol. otd. O-va ljubit. estestvozn., antropol. i etnogr.* 1914–1915, no. III, pp.1–17. (In Russ.).
 29. Obruchev V. A. Overview of D. A. Clements trips in internal Asia and their geological and geographical results. *Izvestija Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1917, vol. XLV, pp. 1–34. (In Russ.).
 30. Ol'denburg S. F. *Dmitrij Aleksandrovich i Elizaveta Nikolaevna Klementsy. In memoriam* (Dmitry Aleksandrovich and Elizaveta Nikolaevna Klements). In *Memoriam*. Petrograd: V. D. Smirnov Publ., 1915.
 31. Ol'denburg S. F. D. A. Clements expedition in Turpan in 1898. *Izvestija Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1917, vol. XLV, pp. 219–231. (In Russ.).
 32. Report on the public Minusinsk local museum for 1886. *Vostochnoe obozrenie*, 1887, no 11, p. 4. (In Russ.).
 33. Panchenko A. B. Reflection of scientific views of D. A. Clements in Eastern Review newspaper. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 4 (25), pp. 100–105. (In Russ.).
 34. *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii (K 150-letiju so dnja rozhdenija D. A. Klements)* (Pygmalion of museums in Russia (the 150th anniversary of D. A. Clements)). St.-Petersburg: Lan' Publ., 1998. 208 p.
 35. Popov I. I. D. A. Klements, ego zhizn' i dejatel'nost' (Klements, his life and work), in *Klements D. A. Iz moego proshlogo. Vospominanija* (Clements D. A. From my past. Memories). Leningrad: Kolos Publ., 1925, pp. 7–66.
 36. Potanin G. N. D. A. Klemenc, in *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* (Siberian literature heritage). Novosibirsk: Novosibirskoe knizh. izd-vo, 1986, vol. 7, pp. 134–139. (In Russ.).
 37. RGALI. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (The Russian State Archive of Literature and Arts). F. 1158. Op. 1. D. 590.
 38. Tokarev S. A. Dmitry A. Clements (1848–1914), in *Otechestvennye ekonomiko-geografy XVIII–XX vv.* (Russian economic geographers of 18–20th centuries). Moscow: Nauka Publ., 1957, pp. 244–251. (In Russ.).
 39. Fedorova V. I. *Revoljucionnyj narodnik, uchenyj i prosvetitel' D. A. Klements* (The revolutionary, scientist and enlightener D. A. Clements). Krasnoyarsk: Krasnojarskogo un-ta Publ., 1988. 176 p.